

ВСЕСОЮЗНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ [Алма-Ата, 27—29 сентября 1976 г.]

Всесоюзная тюркологическая конференция 1976 г. была организована Отделением литературы и языка АН СССР, Отделением истории АН СССР, Советским комитетом тюркологов и Академией наук Казахской ССР. На конференции работали три секции: 1) «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР»; 2) «Тюркологические литературы — история и современный литературный процесс»; 3) «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР». В данном сообщении будет рассматриваться работа именно третьей, исторической секции. Впервые на традиционной тюркологической конференции было уделено столь значительное место исторической и этнографической проблематике, организована особая секция и привлечено в качестве докладчиков большое число этнографов. На двух пленарных заседаниях секции и шести заседаниях двух подсекций («Историко-этнографические проблемы» и «Этнокультурные связи и их развитие») было заслушано и обсуждено 62 доклада, посвященных проблемам этнической и культурной истории тюркоязычных народов СССР, проблемам источниковедения, этнографическим и археологическим исследованиям. В работе секции приняло участие около 300 человек, представляющих научные учреждения РСФСР, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Грузии, Азербайджана.

Еще до начала работы секций на общем пленарном заседании с докладом на тему «Изучение проблем истории тюркских народов СССР в советскую эпоху» выступил академик АН Казахской ССР А. Н. Нусупбеков (Алма-Ата). Докладчик отметил, что в годы Советской власти изучение истории тюркоязычных народов СССР вступило в новый этап своего развития, который характерен последовательным творческим применением марксистско-ленинской методологии в исторических исследованиях, резким расширением круга исследуемых проблем, плодотворным взаимодействием различных областей исторической науки. Советские тюркологи, сказал он, обращают особое внимание на повышение общетеоретического и идеологического уровня исследований, на более глубокий анализ накопленных наукой материалов, на борьбу с проявлениями ограниченности, идеализации прошлого в истории тюркоязычных народов.

На первом пленарном заседании секции были заслушаны и обсуждены обобщающие доклады, посвященные основным теоретическим проблемам тюркологии.

Т. А. Жданко (Москва) в докладе «К вопросу о внутрирегиональных этнокультурных связях народов Средней Азии и Казахстана в позднефеодальный период» рассмотрела вопросы формирования и развития этнокультурных связей в пределах как всего среднеазиатско-казахстанского региона, так и его отдельных областей, отметив значение в этом процессе усиливающихся контактов разных групп населения в XVI — начале XIX в. В докладе подчеркивалась важность изучения не только этнической специфики, но и черт их культурной общности, обусловленных многовековыми внутрирегиональными контактами.

В докладе Н. Н. Чебоксарова (Москва) «Данные антропологии в разработке проблем происхождения и этнической истории тюркских народов» сделан обзор имеющихся антропологических материалов, анализ которых позволяет предполагать, что почти все группы тюркских народов сложились в результате взаимодействия расово-разнородного аборигенного населения с монголоидами центральноазиатского типа, которые по мере продвижения на запад все больше и больше смешивались с европеоидными компонентами.

Г. Е. Марков (Москва) в докладе «Община у кочевников и сложение в ходе их оседания территориально-оседлой общины» проследил процесс формирования соседской общины в рамках специфической кочевнической социально-экономической структуры. На раннем этапе соседские общины объединялись по племенному признаку; с оседанием и возрастанием роли соседских объединений утрачивалась прежняя роль племенной структуры и организации; для предреволюционного периода характерно быстрое разложение соседской общины и развитие частной собственности.

С. И. Вайнштейн (Москва) в докладе «Проблемы сравнительно-этнографического изучения традиционно-бытовых культур тюркоязычных народов СССР» подвел итоги работы этнографов за последние 50 лет, убедительно доказав, что общей для

всех тюркоязычных народов «тюркской культуры» не существует. Докладчик наметил основную проблематику дальнейших этнографических изысканий, остановившись на выявлении различных по происхождению и времени возникновения историко-генетических слоев традиционно-бытовой культуры, анализ которых возможен лишь на основе широкого сравнительно-этнографического исследования.

Г. Ф. Дахшлейгер (Алма-Ата) в докладе «Развитие этнокультурных контактов народов (на материалах Казахстана)» рассмотрел историю культурного общения казахов с другими народами края, ставшего многонациональным на рубеже XIX — начала XX в. Докладчик проследил миграции разных групп населения в разные периоды, отмечая их влияние на этническую и социальную структуру населения Казахстана. Формирование и неуклонный рост численности национальных кадров рабочего класса и интеллигенции в республике создали исключительно благоприятные условия для дальнейшего развития обмена ценностями материальной и духовной культуры между казахами и другими народами СССР.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) в докладе «Древнетюркская письменность и история культуры Центральной Азии» подытожил данные древнетюркских надписей VII—XII вв. Среди внешних влияний, способствовавших формированию древнетюркской культуры, докладчик отметил преобладающее воздействие среднеазиатских цивилизаций; он показал несостоятельность утверждений некоторых авторов о консервативности степных культур, об их якобы неспособности к развитию.

На первом пленарном заседании выступил также академик АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбат-заде (Баку), посвятивший свой доклад вопросам развития культуры и науки в Азербайджане за годы Советской власти. В докладе сделан обзор тюркологических исследований в республике.

29 сентября под председательством академика А. Н. Нусупбекова состоялось заключительное пленарное заседание секции.

М. К. Мухарьямов и З. И. Гильманов (Казань) в докладе «Развитие исторической науки в Татарии» суммировали основные достижения историков республики, охарактеризовав фундаментальные обобщающие труды и монографические исследования разных этапов истории татар.

В докладе Ф. Г. Сафронова (Якутск) говорилось о задачах, стоящих перед тюркологами Якутии, и отмечалась необходимость объединения усилий историков, этнографов, археологов и специалистов других смежных областей для разработки важнейших проблем тюркологии.

Б. Д. Джемгерчинов (Фрунзе) посвятил свой доклад основным аспектам изучения истории тюркских народов СССР. Несмотря на несомненные успехи в этом направлении, сказал докладчик, немало сторон их исторического прошлого до сих пор недостаточно выяснено. Необходимо продолжать работу по изучению этнической истории и этногенеза тюркоязычных народов, равно как не менее актуальных проблем взаимоотношений кочевого и оседлого населения в рамках крупных регионов.

С сообщением, посвященным вопросам критического анализа источников, выступила К. Ш. Хафизова (Алма-Ата). Она обратила внимание специалистов на необходимость более критического отношения к китайским источникам, показав на конкретных примерах, связанных с событиями завоевания Джунгарии китайцами, тенденциозность отдельных сообщений китайских авторов.

Темы докладов, заслушанных на заседаниях подсекций, охватывали широкий круг вопросов; при этом большинство сообщений было посвящено изучению межэтнических связей в разные исторические периоды, что свидетельствует о возросшем интересе специалистов к исследованиям, выходящим за рамки истории одного народа.

В нескольких докладах рассматривались различные проблемы этногенеза и этнической истории тюркоязычных народов, их этнических и культурных взаимодействий и контактов с соседями.

Так, С. Кудайбергенов (Фрунзе) в докладе «Историко-лингвистические данные о связях между алтайскими языками» суммировал свидетельства, подтверждающие дальнейшее родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков; по мнению докладчика, их родство было обусловлено древними этническими связями народов, говорящих на этих языках.

М. Х. Маннай-оол (Кызыл) прочел доклад «О начале тюркизации населения Тувы», в котором высказал мнение, что проникновение на территорию Верхнего Енисея тюркоязычных пратюркских племен, сыгравших решающую роль в формировании современного тувинского народа, может быть датировано I тысячелетием до н. э.

Ю. Б. Юсифов (Баку) в докладе «Гунны в Закавказье» подытожил сведения древнеармянских источников V—VII вв. о передвижениях гунов на территории Закавказья начиная с III в. н. э. По мнению докладчика, часть гуннов поселялась в Закавказье, причем оседание их могло происходить мирным путем.

В докладе Г. З. Анчабадзе (Тбилиси) «Кыпчаки в Грузии» рассматривалась роль кыпчаков в военно-политической жизни Грузинского царства в XII—XIII вв. Часть кыпчаков осела на восточных и юго-восточных рубежах страны, но после XIV в. они не упоминаются источниками, очевидно, вследствие ассимиляции их грузинами и другими народами Закавказья.

А. Гусейн-заде (Баку) в докладе «Отражение огузских этнонимов в современной топонимике Азербайджанской ССР» выявил восходящие к племенным наи-

менованиям огузов топонимы, которые помогают уточнить историю расселения огузских племенных групп на территории Азербайджана.

С. Ш. Гаджиева (Махачкала) в докладе «Поздние тюрки в составе кумыкской народности» проанализировала имеющиеся данные о проникновении в Дагестан вплоть до XVIII в. разных тюркоязычных групп, растворявшихся в среде кумыков.

В. А. Туголуков (Москва) рассмотрел названия тунгусских родов, имеющие общие корни с древнетюркскими этнонимами, в докладе «Древние связи тунгусов с тюркоязычными народами». Близость этнонимов позволяет докладчику предполагать участие тюркского компонента в этногенезе тунгусов.

В докладе Л. С. Толстой (Москва) «Отражение массагето-аланского субстрата в фольклоре тюркоязычных народов Хорезмского оазиса» проанализирован ряд сюжетов и образов, в частности мотивы амазонок в хорезмском фольклоре, имеющие убедительные параллели в эпических произведениях и преданиях северокавказских народов. По мнению Л. С. Толстой, сохраненные фольклором свидетельства высокого положения женщины в прошлом и некоторые другие мотивы восходят к скифо-массагетскому периоду.

Ф. А. Валеев (Казань) посвятил свой доклад этнокультурным контактам западносибирских татар с казахами, указав на близкие черты их традиционно-бытовой культуры, обусловленные не только общностью происхождения, но и длительными историческими связями.

В сообщении Г. О. Авляева (Элиста) суммировались данные о тюркских этнических компонентах, влиявших в состав калмыцкого народа в разные исторические периоды.

Ряд докладов был посвящен этнической истории тюркоязычных народностей Евразии в эпоху раннего средневековья.

С. Г. Агаджанов (Москва) в докладе «К этнической истории огузских племен Средней Азии и Казахстана» на широком материале показал роль огузских племен в этнической истории тюркоязычных народов СССР. Этнические компоненты огузского происхождения вошли в состав казахов, узбеков, каракалпаков, татар и башкир Поволжья и Приуралья. Особенно активную роль они сыграли в формировании туркмен и азербайджанцев.

Проблемы этногенеза в Азербайджане в XI—XII вв. рассматривались в докладе Р. А. Гусейнова (Баку). Процесс языковой тюркизации населения Азербайджана особенно интенсивно протекал на протяжении XI—XII вв. и был связан с сельджукским движением. К XII в. можно отнести завершение сложения азербайджанской народности и азербайджанского языка.

Б. Е. Кумекоев (Алма-Ата) в докладе «Расселение тюркоязычных племен на территории современного Казахстана на карте Ал-Идриси (XII в.)» на основании картографического материала, содержащегося в географическом труде Ал-Идриси, проследил расселение тюркоязычных племен (карлуков, кимаков, огузов, кыпчаков и др.) на территории современного Казахстана. Докладчик подверг тщательному анализу данные средневековой карты.

Д. Г. Савинов (Ленинград) посвятил свой доклад кыргызско-кимакским связям в IX—X вв. Археологические материалы и данные письменных источников показывают, что между племенами, входившими в объединения енисейских кыргызов и кимаков, существовали заметные этнокультурные контакты. Определившаяся в результате этих связей кыргызско-сросткинская (по названию археологической культуры кимаков) общность сыграла большую роль в этнической истории народов восточных районов Казахстана и Саяно-Алтая.

В докладе «Ранние этапы этнокультурного развития татарского народа» А. Х. Халиков (Казань) высказал мнение, что начало тюркизации Среднего Поволжья и Приуралья связано с древнейшими тюркоязычными племенами, входившими в гуннскую конфедерацию. Вторая волна тюркизации края связана с тюркским каганатом (VI—VII вв.). Определяющими в этногенезе татар являются тюркоязычные элементы; вместе с тем имеются и финно-угорские включения, как в виде древнейших субстратных, так и более поздних пластов.

Вопросы раннесредневековой истории тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья были рассмотрены в докладе Ш. Ф. Мухамедьярова (Москва). Докладчик считает, что тюркоязычные народы Поволжья сформировались в результате этнического синтеза пришлых тюркоязычных элементов и местной финно-угорской субстратной основы, который активно начался с проникновением булгарских племен в 70-х годах VII—30-х годах VIII в. н. э. и вступил в решающую стадию с появлением кыпчаков.

К. М. Байпаков (Алма-Ата) в докладе «Об этническом составе населения средневековых городов и поселений Южного Казахстана и Семречья в VI—XII вв.» показал, что в VI—XII вв. преобладающим населением города и села становятся карлуки, кимаки, кыпчаки и другие тюркские племена, ассимилировавшие согдийцев и хорезмийцев.

О. А. Эфендиев (Баку) в докладе «История огузов» Рашид ад-Дина и проблема ранних этнических связей Азербайджана и Средней Азии» доказывает обоснованность предположения о том, что легендарный маршрут передвижения огузов в За-

кавказье через Дешт-и Кыпчак и Волгу является воспоминанием о ранних путях миграций тюркских групп, приходивших в Азербайджан и с севера.

К группе докладов по этнической истории примыкало сообщение Н. Н. Шенгелия (Тбилиси) «Садр ад-дин Абу-л-Хасан Али ал-Хусейн о Грузии и Закавказье XI—XII вв.», в котором анализировались данные источника о влиянии сельджуков на этническую, политическую и культурную жизнь Закавказья.

Доклад А. Р. Шихсаидова (Махачкала) «Тюркские племена и Дагестан в X—XIV вв.» показал, что вековые контакты населения Дагестана с тюркскими племенами имели существенные последствия (тюркизация всех равнинных районов, приток населения в горные районы Дагестана). Земельная политика сельджуков и ширваншахов способствовала развитию государственных форм земельной собственности и условного землевладения.

Девять докладов были посвящены истории внутрирегиональных связей среднеазиатских народов.

Б. Х. Кармышева (Москва) в докладе «„Кочевая степь“ Мавераннахра и ее население» высказалась против распространенного представления о том, что кочевники, проживавшие в среднеазиатском Междуречье, быстро оседали в оазисах и растворялись среди коренного оседлого населения. Она считает, что «Кочевая степь» устойчиво сохранялась и в начале XX в. в пределах самого Мавераннахра: ее кочевое и полукочевое население, пестрое в этническом отношении, постоянно общалось между собой, а также с оседлыми жителями оазисов.

У. Х. Шалекенов (Алма-Ата) в докладе «Экономические и культурные связи приаральских казахов с народами Хорезмского оазиса в XVIII—XIX вв.» показал, что культуры оседлого и кочевого населения региона развивались в тесном взаимодействии.

К. Ш. Шаниязов (Ташкент) в докладе «Этнокультурные связи узбеков с другими тюркоязычными народностями Средней Азии и Казахстана» остановился на общих чертах в этнонимии и традиционной культуре разных групп населения региона, подчеркнув, что узбекский народ формировался в условиях тесных контактов с соседями.

Этнический состав казахов и казахско-узбекские межэтнические связи в XV — начале XVI в. рассматривались в докладе Т. И. Султанова (Ленинград). На основании изучения письменных источников докладчик пришел к выводу, что уход шейбанидов в завоеванные ими области Мавераннахра не привел к коренным переменам в родо-племенном составе населения Узбекского улуса (т. е. Казахского ханства) XV — начала XVI в.; основная масса его населения продолжала держаться своих традиционных мест кочевий.

И. Н. Молдобаев (Фрунзе) сделал доклад «Об этнокультурных связях киргизского и казахского народов (по материалам эпоса „Жаныш Байыш“)», где сопоставил свидетельство эпоса об оазисе Черчен (Восточный Туркестан), как месте совместного обитания казахов и киргизов, с данными источников о проживании в оазисе могульского племени доглат, вошедшего позднее в состав казахов и частично киргизов.

Ф. А. Надршина (Уфа) выступила с докладом «Башкирско-казахские этнокультурные связи по материалам башкирских народных преданий». Она обратила внимание на сказания об общих с казахами предках, о родственных узах, о дружественных контактах и враждебных столкновениях. Связи двух народов особенно явно прослеживаются по преданиям юго-восточных башкир.

Г. П. Васильева (Москва) в докладе «О некоторых этнических процессах у западных туркмен в эпоху позднего феодализма» показала, что и после сложения туркменской народности (XIV—XV вв.) продолжалось этническое развитие туркмен за счет внутренней консолидации племени и включения групп из соседних народов.

Доклад С. П. Полякова (Москва) «Отражение межэтнических связей населения Средней Азии в средневековых погребальных сооружениях» привлек внимание специалистов к малоизученному источнику, анализ которого позволяет докладчику считать, что современные народы региона формировались на базе территориальных групп, имевших в основе единый этнос, сложившийся по крайней мере из двух компонентов — ирано- и тюркоязычного.

В. Н. Басилов (Москва) в докладе «Среднеазиатское шаманство в свете этнической истории региона» показал на материале полукочевых в прошлом узбеков группы кырк переплетение тюркских и иранских культурных элементов в шаманском культе. Верования, восходящие к традициям ираноязычного населения, имеют чрезвычайно архаические формы; видимо, они были восприняты шаманством в период ранних культурных контактов тюркоязычных и ираноязычных народов.

К этноисторической тематике относился и доклад Н. Е. Бекмахановой (Москва) «Некоторые проблемы исторической демографии казахов первой половины XIX века», посвященный вопросам изменения границ казахских жузов, их внутреннего административного деления. Н. Е. Бекмаханова отметила, что в Казахстане происходили изменения в социально-сословной структуре населения, увеличивалась национальная пестрота, возрастала численность городских жителей, шел процесс оседания кочевников наряду с миграциями ряда групп. Названные процессы способствовали дальнейшему хозяйственному освоению края.

В представленных на секции докладах затрагивались и разные вопросы социальной истории тюркоязычных народов. Так, Н. И. Дауллабаев (Алма-Ата) в докладе «К истории феодализма у кочевых народов СССР» рассмотрел на сравнительном материале особенности и основные закономерности формирования и развития феодальных отношений в кочевых обществах.

В докладе Р. Г. Кузеева и Р. Х. Халиковой (Уфа) «Башкирские шежере — памятники истории и языка» наряду с анализом языковых особенностей текстов родословных списков было обращено внимание на возможность реконструкции по данным генеалогических преданий некоторых аспектов социально-политической структуры башкирского общества в эпоху средневековья.

В. П. Курылев (Ленинград) в докладе «К вопросу о земельных отношениях у кочевых казахов» обосновал положение о том, что с XV до первой половины XIX в. у казахов, ведущих кочевой образ жизни, существовала крупная феодальная земельная собственность, которая выражалась главным образом в праве феодалов распоряжаться кочевьями и пастбищами подвластных им родов. Крупная феодальная земельная собственность сочеталась с общинным землепользованием; к середине XIX в. она была ликвидирована.

В докладе Н. В. Бикбулатова (Уфа) «Система родства у тюркоязычных народов и проблема большой семьи» высказано мнение о том, что традиция употребления одинаковых терминов родства и для предков, и для родителей является свидетельством широкого распространения в прошлом большесемейных коллективов, которые возглавлялись представителями старшего поколения. Термины родства в сочетании с этнографическими данными указывают также на то, что тюркоязычным народам была известна наиболее архаичная по структуре большесемейная община — «братская» семья.

В. П. Мокрынин (Фрунзе) сделал доклад «Западнотюркский каганат и вассалы». Он показал, что администрация каганата не была индифферентной к внутренней жизни вассальных государственных объединений Средней Азии и Восточного Туркестана, и установившаяся система отношений между каганатом и вассалами была механизмом для внедрения в иную этническую сферу обычаев, идеологии и языка кочевников.

Э. Ф. Чиспиков (Новокузнецк) в докладе «К вопросу об этнониме шор» изложил свой взгляд на происхождение этого этнонима, в основе которого, видимо, лежит иранское слово «слуга» («холоп», «раб»), указывающее на зависимое положение рода или его предков в прошлом от какой-то иной этнической или социальной группы.

В ряде докладов рассматривались вопросы происхождения отдельных черт традиционных культур тюркоязычных народов.

Доклад В. П. Дьяконовой (Ленинград) «К вопросу о различных категориях служителей культов у народов Саяно-Алтая» был посвящен проблеме происхождения различных по функциям «специалистов» в области религиозно-магической практики, существовавших наряду с шаманами. По мнению докладчика, некоторые категории служителей культов генетически связаны с шаманством.

Я. И. Сунчугашев (Абакан) выступил с докладом «О термине „хурчаг“ в хакасских героических сказаниях». Исходя из значения слова «хурчаг» (обруч, кольцо, круг), докладчик высказал предположение, что этим термином, родственным монгольскому «курень», обозначалось военное подразделение. Это позволяет понять соответствующие места эпических произведений, в которых враги и герои изображались объединенными в 6, 9 и 12 «хурчаг».

П. И. Шатинова (Горно-Алтайск) в докладе «Традиционные обряды, связанные с рождением ребенка у алтайцев» охарактеризовала узловые моменты в обрядности родильного цикла: родины; обряды, связанные с пуповиной, последом, вещами, которыми роженица пользовалась при родах; наречение имени; обязательные подарки новорожденному и обрезание первых волос у ребенка. Сравнительно-этнографическое изучение обрядности с широким привлечением данных по этнографии родственных народов свидетельствует о том, что многие ритуалы сложились на древних этапах истории алтайцев.

Одной из важных тем исторической секции была история древнетюркской письменности. Открытия последних лет позволили по-новому осветить ряд кардинальных вопросов в этой области.

С докладом «Происхождение древнетюркской рунической письменности» выступил В. А. Лившиц (Ленинград). Он высказал предположение, что в основу руники легло согдийское письмо в его курсивной, сравнительно поздней разновидности; руническое письмо возникло в результате одновременной сознательной обработки согдийского алфавита (изменившейся, в частности, принцип обозначения гласных), а не как следствие его длительной стихийной трансформации.

К. А. Акишев (Алма-Ата) в докладе «Общество и письмо у саков Казахстана» на основании сравнительного изучения сакских курганов и анализа уровня развития письменности у семиреченских саков пришел к выводу, что сакские племена юга Казахстана находились на стадии раннеклассового общества.

Л. Ю. Тугушева (Ленинград) сделала доклад «Некоторые аспекты изучения древнеуйгурских деловых документов». Она отметила, что форма построения этих документов как речевых единиц определенным образом отражает разные типы взаи-

моотношений. Поэтому они очень информативны с точки зрения изучения поведенческих норм социальной группы, в которой они составлены. Автор предложила свести все древнетюркские деловые документы к двум основным типам: 1 — акты (соглашения) и 2 — письма.

Д. Д. Васильев (Москва) посвятил свой доклад методике палеографического исследования тюркской руники. В результате систематизации и учета всех аллограф, зафиксированных в рунических текстах азиатского региона, автор установил важнейшие характеристики, которые соответствуют требованиям тюркской рунической письменности.

В сообщении З. Б. Чадамба (Кызыл) «О древнетюркской рунической надписи Оорзак-1 из Тувы» приводилось описание покрытого рисунками и руническими надписями «коленного камня». Рунические надписи состоят из четырех строк. Автор сделал перевод текста и историко-лингвистический комментарий.

Одной из ярких страниц истории науки был посвящен доклад Б. С. Сулейменова (Алма-Ата), охарактеризовавшего вклад Ибрагима Алтынсарина в развитие отечественной тюркологии.

Важные проблемы исследования современности были подняты в выступлении А. М. Решетова (Ленинград). Ему удалось показать, как идет этническая консолидация уйгуров Средней Азии и Казахстана и как происходит изменение их духовной и материальной культуры. Главная тенденция такого изменения — формирование общетюркских черт культуры.

Многие доклады вызвали оживленное обсуждение. Плодотворной дискуссии содействовало опубликование тезисов, позволившее участникам заранее ознакомиться с основными положениями докладов¹.

Секция приняла следующие рекомендации:

1. Развивать творческие и организационные связи ученых, занимающихся проблемами истории, этнографии, антропологии тюркоязычных народов, поднять на более высокий уровень координационную работу.

2. Усилить борьбу с буржуазной фальсификацией истории тюркоязычных народов СССР, в частности с идеологией пантюркизма.

3. Продолжать работу по комплексному изучению проблем этнической истории и этногенеза тюркоязычных народов СССР, истории взаимоотношений кочевого и оседлого населения в рамках крупных регионов, истории культуры и прикладного искусства на археологическом, лингвистическом и этнографическом материалах.

4. Признать целесообразным участие тюркологов-лингвистов в подготовке историко-этнографических атласов тюркоязычных народов СССР (терминологические, диалектологические карты и т. д.).

5. Считать важнейшей задачей историков и представителей других общественных наук, занимающихся вопросами тюркологии, развитие исследований по теме: этнокультурные контакты, взаимообогащение культур и сближение тюркоязычных народов с братскими народами СССР на современном этапе.

Всесоюзная тюркологическая конференция явилась крупнейшей встречей советских тюркологов за последние 50 лет. Конференция позволила подвести итоги работы советских ученых в различных областях тюркологии. Доклады участников показали, что в разработке главных проблем исследования тюркоязычных народов достигнуты значительные результаты. В частности, работа исторической секции, посвященная обсуждению основных вопросов этнического и культурного развития тюркских народов в разные исторические периоды, свидетельствовала о высоком научном уровне советской тюркологии. Вместе с тем развернувшаяся на заседаниях секции творческая дискуссия позволила конкретизировать наиболее важные направления дальнейшего развития историко-этнографических исследований в тюркологических центрах СССР.

В. Н. Басилов, Т. И. Султанов

¹ «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов и сообщений». Алма-Ата, 1976.

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СЕМИНАР «ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА»

С 30 июня по 2 июля 1976 г. в г. Йозенсуу (Финляндия) проходил финляндско-советский семинар, посвященный проблеме происхождения карельского народа. Он был организован по инициативе ректора Высшей школы г. Йозенсуу, известного историка-кареловеда Хейкки Киркинена. В работе семинара приняли участие археологи, историки, лингвисты, фольклористы и этнографы, представившие 12 докладов и 3 сообще-